

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-139

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-6-12

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЙ И РЕГУЛЯРНОСТЬ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Баев Е. В.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить механизм изменения форм речевых высказываний в ходе коммуникации, направленной на достижение согласия между русскоязычными коммуникантами.

Процедура и методы. В исследовании применялись методы анализа, синтеза и мысленного моделирования, рассматривался языковой материал на русском языке.

Результаты. Было установлено, что солидарность, выражаемая в обращениях и лексемах, маркирующих социальную дистанцию, вербализуется с помощью двух компонентов: лексической формы обращения и регулярности её использования. Показана также двойственная роль слов-маркёров, которая заключается как в указании на близкую социальную дистанцию, так и в инициации сближения между коммуникантами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Был выявлен механизм достижения солидарности с помощью обращений и схожих с ними по функциям слов. Выдвинутые тезисы можно применить при моделировании экспериментов по изучению достижения солидарности на русском языковом материале.

Ключевые слова: теория вежливости, «лингвистическая вежливость», солидарность, коммуникация, принципы речевого взаимодействия, коммуникативные стратегии и тактики

FORMS OF ADDRESSING AND REGULARITY OF THEIR USE AS TOOLS OF SOLIDARITY VERBALISATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

E. Baev

Moscow City Pedagogical University

4 Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd, 129226 Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper analyzes the mechanism behind the change in the forms of speech utterances during communication in Russian in order to increase solidarity between interlocutors.

Methodology. The investigation focuses on analysis, synthesis and mental modeling as research methods and relies on the Russian language material.

Results. It is found that solidarity, expressed in addresses and lexemes marking a social distance, is verbalized using two components: the lexical form of address and the regularity of its use. The dual role of marker words is also shown, which consists both in pointing out a close social distance and in initiating rapprochement between interlocutors.

Research implications. A mechanism is identified for achieving solidarity with the help of addresses and similar words. The obtained results can be used in modeling experiments to study the achievement of solidarity in the Russian language material.

Keywords: theory of politeness, linguistic politeness, solidarity, communication, principles of verbal interaction, communication strategies and tactics

Введение

Данная работа посвящена вопросу лингвистической вежливости (термин введен в русскоязычном научном дискурсе Н. И. Формановской [9, с. 51]) как инструмента социального взаимодействия, конкретизирующегося в формах обращений коммуникантов друг к другу. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной степенью изученности вербальных форм реализации лингвистической (не)вежливости как инструмента достижения прагматических интересов на русском языковом материале.

Проблематика исследования связана с изучением солидарности как компонента лингвистической (не)вежливости. Вежливость классифицировалась как категория и помещалась в область прагматики авторами теории Браун–Левинсона [12, р. 2], а отечественные современные исследователи рассматривали её как средство реализации прагматических интересов коммуникантов [4, с. 14–15]. В рамках исследования мы определяем вежливость как инструмент влияния коммуникантов друг на друга, как средство защиты прагматических интересов, реализующееся в формах речевых стратегий и тактик, и опираемся на два толкования солидарности. В первом она трактуется как средство различения равноправных собеседников при обращении, эволюционировавшее в средство различения отношений между неравноправными коммуникантами (работа Р. Браун, А. Гилмана) [11, р. 258], во втором – как указание на общность между коммуникантами по инициативе хотя бы одного из них (классическая теория вежливости Браун–Левинсона) [12, р. 255–257].

Объект исследования – языковые средства, реализующие лингвистическую солидарность. Предмет – обращения и слова-

маркёры, используемые коммуникантами для обозначения степени солидарности, выражения вежливости, а также изменения в семантике обращений в ходе коммуникации.

Цель исследования – раскрыть механизмы, стоящие за изменением формы речевого высказывания в ходе коммуникации на русском языке, изучить их влияние на солидарность и понять, как изменения в вербальном выражении солидарности могут влиять на снижение / увеличение изъявления вежливости. Настоящее исследование носит теоретический характер с опорой на русский языковой материал, предоставленный НКРЯ.

Постоянство форм обращений, его нарушение и категория «солидарность»

Солидарность является компонентом категории «лингвистическая вежливость», свидетельствующим о наличии или отсутствии между коммуникантами понимания их (не)взаимного равенства. В исследованиях, не использующих понятие солидарности, отражено наличие в языковой системе вербальных единиц, служащих для маркировки степени единомыслия и равенства коммуникантов. В частности, А. Г. Викулова и А. И. Шарунов считают вежливость социокультурным компонентом общения, отражаемым в языке, который опирается на экстралингвистические правила вежливости и на функционально-семантическое поле языковых единиц, выражающих вежливость [1, с. 122].

По мнению Е. А. Рудневой, вежливость тесно связана с речевым этикетом, который, в свою очередь, понимается как «функционально-семантическое поле единиц вежливого общения» в таких ситуациях, как обращение, знакомство, приветствие и т. д., а в широком смыс-

ле трактуется как «система устойчивых формул общения ... для установления контакта и поддержания общения в избранной тональности» [7, с. 66, 165-166]. Иное понимание проблемы представлено И. А. Стерниным. Учёный сосредоточен на описании обращений как таковых: «Обращение выполняет две функции: привлекает внимание собеседника к партнёру по общению и даёт определённую социальную характеристику собеседнику и нашим отношениям с ним» [8, с. 32]. Стернин акцентирует внимание на функциональных возможностях обращения, которое может выступать в качестве как коррелята, так и маркера отношений между участниками, фиксировать оценку статусности собеседника [8, с. 32].

Не только обращения обладают подобными свойствами. Л. В. Путилина отмечает, что дискурсивные «формулы речевого этикета “Извини(-те)”, “Прости(-те)!” используются не только в ситуации извинения, ... но и для привлечения внимания, знакомства, просьбы» [6, с. 115], т. е. применяются в качестве обращений с высокой дистанцией.

Мы будем считать за обращение любую языковую единицу, использующуюся для привлечения внимания и маркировки дистанции в процессе коммуникации, что соотносится с оригинальным пониманием солидарности, сформулированным Р. Браун и А. Гилманом [13, р. 166]. Свои выводы лингвисты основали на анализе использования не взаимных местоимений в европейских языках (*ты* и *вы*, *tu* и *vous*). Власть одного коммуниканта над другими выражается через не взаимное использование фатических речевых актов: один из коммуникантов использует *ты*, а другой *вы* [11, р. 253-254]. В английском языке ближайшим аналогом такой ситуации является использование коммуникантами не взаимных по статусу обращений по «первому имени» и, в противоположность этому, по фамилии с титулами «мистер», «доктор» [13, р. 167].

В русской языковой культуре возможно не взаимное обращение к собеседнику как

через местоимения *ты*, *вы*, так и с помощью включения или пропуска отчества в соответствующей конструкции.

Юй Исин, обобщая данные об использовании обращения по имени-отчеству в русском языке, определяет эту форму как самую распространённую в России XIX-XX вв. конструкцию вежливого, уважительного обращения к взрослому человеку. Она является нормативной формой представления человека при знакомстве и обычно маркируется как формально-нейтральная [11, р. 153]. М. Кронгауз отмечает, что в последние два десятилетия наблюдается сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского [3, с. 163-178], поэтому в некоторых дискурсах возможно использование формы полного имени в качестве уважительного обращения. Другие формы обращений включают обращения по имени в его диминутивной форме) или через клички / прозвища.

В русской языковой среде наблюдаются ситуации, когда не взаимное использование обращений обусловлено объективными статусными и/или возрастными различиями. М. В. Захарова пишет, что в рамках профессионального общения (где наиболее ярко проявляются статусные различия) «равенство по иерархическому уровню обычно также осознаётся, как и неравенство» [2, с. 38]. Поэтому будет справедливо полагать, что есть случаи, когда проявления неравенства ожидаются участниками общения, и когда они являются неожиданностью, вследствие чего степень их угрозы гораздо выше.

Понятие ликоугрожающего акта введено П. Браун и С. Левинсоном в их теории вежливости. Ликоугрожающий речевой акт – это такой речевой акт, который угрожает *социальному лицу* коммуниканта. Социальное лицо же понимается как конструкт, описывающий две стороны прагмалингвистического поведения говорящего и слушающего: стремление к сохранению свободы действий («защита территории») и стремление понравиться другим [11, р. 62]. Угроза каждого речевого акта зависит от социальной дистанции,

власти одного из субъектов коммуникации над другим и степени накладываемых обязательств.

О случаях неважного использования обращений с высокой степенью угрозы социальному лицу в реальной языковой практике пишет Юй Исин. Исследователь описывает случаи употребления уменьшительно-ласкательных форм обращений, маркирующих близкие, равные отношения, либо указывающих на низший статус одного из партнёров [10, с. 154]. Юй Исин отмечает, что носители языка весьма чувствительны к нарушению этого правила. В качестве примера он приводит отмечаемую женщинами языковую ситуацию, в которой они почти эксклюзивно получают обращения с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов в деловой коммуникации, например: «Леночка», «Настенька» [10, с. 154].

Если неважное использование обращений ожидаемо, нарушение этих ожиданий коммуникантом, обладающим более высоким авторитетом, ведёт к повышению степени угрозы для этого речевого акта. Нормы неравностатусного общения охватывают «способы установления контакта, поддержания его, выражения согласия и несогласия, выражения собственных желаний, предпочтений, требований и т. д., а также выхода из коммуникации» [2, с. 38]. Преподаватель, ранее перешедший на неважную «ты»-коммуникацию со студентом и резко возвращающий форму обращения к студенту по имени-отчеству, рискует напугать или насторожить студента.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что характер воздействия маркёров солидарности зависит от разницы в предыдущих обращениях коммуникантов, наблюдаемой при их сравнении. Коммуникант ожидает от партнёра обращения – маркёра статуса отношений между ними – и сравнивает новое обращение с последним полученным. Однако в некоторых речевых актах степень угрозы может быть оценена и без обращения к истории взаимодействия коммуникантов.

При этом сам факт смены маркёров обладает прагматическим значением. Сравним два типа коммуникативных ситуаций.

– Первый тип характеризуется постепенным, выдержанным переходом от «вы»-коммуникации к «ты»-коммуникации.

– Второй тип представляет собой обобщение коротких и односторонних коммуникативных ситуаций, в которых незнакомый собеседник при первой же итерации со слушающим использует местоимение *ты* и/или обращения, работающие как маркёры близости (*дружнице, одолжи сигаретку, брат, передай за проезд*).

Форма единственного числа при обращении используется в обоих типах, но их значение не одинаково. В ситуациях первого типа она является маркёром состоявшегося сближения, а в ситуациях второго типа – лишь запросом на сближение, попыткой сократить дистанцию для увеличения вероятности позитивного отклика.

Можно отметить стремление к сохранению изначально принятой (или «затребованной» в ходе разговора) коммуникантом формы обращения. В расшифровках коллективного интервью Фонда общественного мнения¹ при представлении все опрашиваемые, кроме одного, дают только своё имя. Интервьюер обращается ко всем по имени, и только к одному из участников – по имени-отчеству. Иными словами, обращающийся всегда использует ту форму обращения, которая была задана респондентом.

Смена формы обращения происходит благодаря использованию идиоматических формул, подходящих в этих ситуациях. Во-первых, это формулы, использующиеся для инициации смены формы взаимного обращения: *давай на ты?; я могу называть*

¹ См. Беседа в Воронеже (2001). Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&sr=1&docid=c3Bva2VuL21hbnVhbC9wdWJsaWMvdm9yb25lehmhMDFFmTJfMTgueG1s&g=i_do c&format=html&spp=50&text=lexgramm&dpp=5&kw sz=5&gramm1=persn+%7C+patr&nlevel1=0&mode =spoken&parent1=0&nodia=1&spsd=10&out=normal (дата обращения: 02.08.2021).

тебя [имя]?; зови меня [имя], которые требуют ответа *а ты меня [имя_2]* и др. Во-вторых, это формулы, использующиеся для отказа перейти на новую форму: *мы с вами на брудершафт ещё не пили; мы с вами на «ты» не переходили; не надо мне тыкать*; повторение обращения в «исправленной» форме с применением интонационного типа ИК-3 (*Гаяля... / Галина Ивановна...*).

Наблюдается и тенденция представляться так, как это делают другие коммуниканты в той же группе¹. В типологически одинаковой ситуации коммуниканты из одной социальной группы могут использовать разные формы обращения при представлении, ориентируясь на форму(-ы), использованн-ую(-ые) при представлении до них. Здесь могут иметься как очень простая логика «синхронизации» используемых форм между всеми членами группы (можно сформулировать это как правило «обращайтесь ко мне так же, как и ко всем»), так и более сложные формы прагматического поведения (можно сформулировать это как правило «обращайтесь ко мне проще, чем к наиболее уважаемому члену группы»).

По наблюдению В. В. Леонтьева, зависимость обращений от социальной истории

коммуникантов и коммуникативного процесса в целом всё чаще отмечается исследователями лингвистической вежливости [5].

Заключение

Понимание солидарности, таким образом, предполагает два структурных компонента своей вербализации: саму форму обращения и регулярность её использования. Нарушение последнего может являться речевой стратегией, не указывающей реально на новые обстоятельства общения, но служащей прагматическим целям коммуникации (выражение обиды, негодования, гордости, уважения, иронии и т. п.).

Слова, вербализирующие солидарность, обладают сравнительным характером своего воздействия и всегда учитывают предыдущую историю коммуникации. Отмечаются консервативная тенденция к сохранению уже использовавшихся форм и тенденция к унификации используемых форм обращений в группе по единой модели. Сам акт смены формы обладает важным прагматическим значением в коммуникации и поддерживается особыми идиоматическими формулами.

Статья поступила в редакцию 20.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации: практикум. М.: АСТ, 2008. 316 с.
2. Захарова М. В. Иронические регулятивы в профессиональной коммуникации // Организационная психология. 2018. № 4 (4). С. 29-47.
3. Кронгауз М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28 (2). С. 163-187.
4. Ларина Т. В. Вежливость как предмет лингвистического изучения // Коммуникативное поведение. Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. С. 10-22.
5. Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 70-83.
6. Путилина Л. В. Функционирование формул извинения в речевом поведении студентов-филологов // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: материалы Международной научной конференции, Оренбург, 14 октября 2016. Оренбург: Оренбургская книга, 2016 г. С. 113-116.
7. Руднева Е. А. Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 208 с.

¹ См. Беседа в Самаре (2001). Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс] // НКРЯ. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&sr=1&docid=c3Bva2VuL21hbnVhbC9wdWJsaWMvc2FtYXJhXzAxXzA4XzMxLnhtbA%3D%3D&g=i_doc&format=html&sp=50&text=lexgramm&dpp=5&kwsz=5&gramm1=persn+%7C+patr&level1=0&mode=spoken&parent1=0&nodia=1&spd=10&out=normal (дата обращения: 02.08.2021).

8. Стернин И. А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. С. 22-47.
9. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
10. Юй И. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 150-159.
11. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // *Style in Language* / ed. by T. Sebeok. Cambridge: M.I.T. Press, 1960. P. 253-276.
12. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 346 p.
13. Tannen D. The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance // *Gender and Conversational Interaction* / ed. D. Tannen. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 165-188.

REFERENCES

1. Vikulova L. G., Sparunov A. I. *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of the Theory of Communication]. Moscow, AST Publ., 2008. 316 p.
2. Zaharova M. V. [Ironic Regulations in Professional Communication]. In: *Organizatsionnaya psikholingvistika* [Organizational Psycholinguistics], 2018, no. 4 (4), pp. 29-47.
3. Krongauz M. A. [Russian Speech Etiquette at the Turn of Centuries]. In: *Russian Linguistics*, 2004, vol. 28 (2), pp. 163-187.
4. Larina T. V. [Politeness as an Object of Linguistic Research]. In: Sternin I. A., ed. *Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17: Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Communicative Behavior. Vol. 17: Politeness as a Communicative Category]. Voronezh, Istoki Publ., 2003, pp. 10-22.
5. Leont'ev V. V. [Linguistic (Im)Politeness: To the Problem of the Content of the Category]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2016, no. 1, pp. 70-83.
6. Putilina L. V. [Functioning of Apologizing Formulas in Speech Behavior of Philology Students]. In: *Yazykovaya norma i rechevaya praktika v Orenburgskom regione: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Orenburg, 14 oktyabrya 2016 g.* [Language Norm and Speech Practice in the Orenburg Region: Proceedings of the International Scientific Conference, Orenburg, 14 October 2016]. Orenburg, Orenburgskaya kniga Publ., 2016, pp. 113-116.
7. Rudneva E. A. *Strategii lingvisticheskoi vezhlivosti v spontannom rechevom vzaimodeistvii: dis. ... kand. filol. nauk* [Strategies of Linguistic Politeness in Spontaneous Speech Interaction: PhD Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2018. 208 p.
8. Sternin I. A. [Problems of Description of Politeness as a Communicative Category]. In: Sternin I. A., ed. *Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17: Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Communicative Behavior. Vol. 17: Politeness as a Communicative Category]. Voronezh, Istoki Publ., 2003, pp. 22-47.
9. Formanovskaya N. I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Speech Behavior: Communicative Pragmatic Approach]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2002. 216 p.
10. Yu Yixing. [Forms of Russian Speech Etiquette in the Light of Responsibility Ethics]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9: Philology], 2017, no. 2, pp. 150-159.
11. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity. In: Sebeok T., ed. *Style in Language*. Cambridge, M.I.T. Press, 1960, pp. 253-276.
12. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 346 p.
13. Tannen D. The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance. In: Tannen D., ed. *Gender and Conversational Interaction*. Oxford, Oxford University Press, 1993, pp. 165-188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баев Евгений Владимирович – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Московского городского педагогического университета;
email: BaevEV@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy V. Baev – Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Teaching Methods of Philology Disciplines, Moscow City University;
email: BaevEV@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баев Е. В. Формы обращений и регулярность их использования как инструменты вербализации солидарности в русской языковой среде // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 4. С. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-6-12

FOR CITATION

Baev E. V. Forms of Addressing and Regularity of Their Use as Tools of Solidarity Verbalization in the Russian Language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 4, pp. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-6-12